

ПЕРВОПРОХОДЕЦ (ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВИЧА БЕЛОУСОВА)

5 января 2023 года на семьдесят шестом году жизни скончался фольклорист, литературовед, культуролог Александр Федорович Белоусов. А несколькими месяцами ранее, поздравляя его с юбилеем, авторы статей называли Белоусова «уникальным человеком», «первопроходцем». Действительно, диапазон культурных явлений и персонажей, привлекавших внимание юбиляра, поражает воображение.

Фото Вадима Лурье

Белоусов — филолог тартуской школы, ученик Юрия Михайловича Лотмана. С 1966 г. (со второго курса) он студент Тартуского университета, увлеченный наукой, собиранием фольклора староверов Прибалтики. Под руководством Юрия Михайловича он выполнил дипломную работу на тему: «Образ автора-исполнителя в русских духовных стихах». Последовавшая за этим аспирантура завершилась защитой в 1980 г. кандидатской диссертации «Литературное наследие Древней Руси в народной словесности русских старожилов Прибалтики» (научный руководитель — Ю. М. Лотман, оппоненты — Б. А. Успенский, А. М. Панченко).

Очень значимым для Белоусова был период работы в Таллинском педагогическом институте им. Э. Вильде (1978—1990): «неплохое время, много

работы, начальство жить не мешало»¹. Тогда в числе других появились публикации «Городской фольклор» (1987), «Детский фольклор» (1989), «Жанры словесного текста. Анекдот» (1989). Как правило, после заглавия следовал подзаголовок: «Лекция для заочников» или «Учебный материал для студентов-заочников». В действительности это были не прикладные работы, а самостоятельные, новаторские исследования. И они явились началом нового направления в отечественной фольклористике 1980–1990-х гг., первопроходцем которого и стал Александр Федорович.

Именно ему принадлежит инициатива широкого изучения городского фольклора, городского детского и школьного фольклора. Одним из первых он осознал, что только полевое, ориентированное главным образом на деревенскую местность фольклорно-этнографическое исследование народной культуры оказывается ограниченным, недостаточным, порой пройденным этапом. Из предметного поля исключались целые пласты материалов, которые из-за идеологических запретов или всякого рода охранительства, как и всё, что не соответствовало официальным представлениям, звучало вольно, эпатажно и неблагоприятно, оставались для науки за семью печатями. Официальное соби́рание и изучение фольклора ограничивались легко учитываемым набором элитных жанров. Чтобы выявить всю традиционную культуру, особенно современную, нужны такие методы исследования, которые уже широко практиковались в мире: включенное наблюдение с использованием технических средств, массовые опросы, письменные анкеты, интервьюирование, картографирование и т. д. С такой собирательской практикой связывал Белоусов открытие городского фольклора, городского детского и школьного фольклора. Белоусов определяет его как фольклор тех, «кто еще не достиг совершеннолетия, т. е. не стал взрослым; (...) в цивилизованной среде начало взрослой жизни связывается с окончанием специальных институтов социализации человека — школы и т. д. Поэтому и так называемый „школьный“ (или ученический) фольклор имеет самое непосредственное отношение к детскому фольклору».

Прорывом в его изучении явился двухтомник «Школьный быт и фольклор» (Таллин, 1992), составленный А. Ф. Белоусовым и объединивший разрозненные усилия разных собирателей и исследователей. А настоящим событием стал собранный им и подготовленный многими специалистами новый большой том «Русский школьный фольклор: от „вызываний“ Пиковой дамы

¹ Автобиография А. Ф. Белоусова опубликована: Открытый институт русского языка и культуры имени Е. А. Маймина — Академическое содружество — Белоусов А. Ф. <https://majmin.pskgu.ru/page/9200932d-90a5-4a5a-a686-6aa1e8d9f63b>

до семейных рассказов» (М.: Ладомир, 1998), в котором школьная культура предстала широко и многопланово. С этими публикациями в научный оборот вводились неизвестные явления и тексты. Это такие виды фольклорной прозы, как детские «страшные истории». В дальнейшем они привлекли внимание многих ученых и изучались как современные мифологические рассказы. Как особый тип импровизационной символической игры, существенно отличающейся от традиционных игр, уходящих в обрядовую жизнь, утверждались в науке игры в страну-мечту или игровые утопии, детские Швамбрании. Большой интерес вызвали так называемые «садиетские» стишки. Прежде всего в школьной среде появились тексты, бытовавшие (бытующие) в письменной форме, жанры и виды «фольклорной письменности» (Е. А. Костюхин), «письменного фольклора» (В. С. Бахтин), который близок к устному наличием вариантов, господством стереотипов, приемами использования устоявшегося запаса словесных блоков и формул. Одна из основных форм бытования письменного фольклора среди школьников — девичий альбом. История бытования, содержание, структура, жанровый состав девичьих альбомов XX века, изучение которых было инициировано Белоусовым, привлекли затем внимание многих исследователей. В сборнике впервые помещены девичий рукописный рассказ, «школьные хроники», граффити, пародийные стихи (они бытовали и в устной форме), детские текстографические загадки.

Итогом многолетней совместной работы с семинаром С. Ю. Неклюдова во второй половине 1990-х гг. стал большой том «Современный городской фольклор» (составители А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. Сер. «Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика»).

Яркое продолжение обрела первая в фольклористике публикация А. Ф. Белоусова, посвященная анекдоту: многочисленные статьи о Вовочке, Штирлице, Крокодиле Гене, Чебурашке, которые закрепили за ним звание «профессор по анекдотам» и «специалист по Вовочке».

Названные явления городского фольклора объединяет введенный С. Ю. Неклюдовым термин «постфольклор», первопроходцем изучения и публикаций которого и стал А. Ф. Белоусов. И это отражает сборник к его 60-летию, который имеет название «Фольклор, постфольклор, быт, литература» (СПб., 2006).

Второе направление первопроходческой деятельности А. Ф. Белоусова — культура русской провинции. Из автобиографии: «Есть среди культурологических тем, которыми я занимался, и тема, которая представляла для меня особый — личный — интерес. Это — тема русской провинции. Выросший в рабочем поселке — пригороде Риги, которая, в свою очередь,

расположена на окраине России, я всегда ощущал себя провинциалом. (...) Поэтому когда в 1990-е гг. феномен провинции и провинциальности осознается как актуальная проблема нашей культуры, принял активное участие в конференциях, которые Научный совет по истории мировой культуры Российской академии наук посвятил изучению и осмыслению провинции. Это позволило не только увидеть много замечательных мест, не только познакомиться со многими замечательными людьми. У провинции есть свои достоинства и своя прелесть».

Назову только несколько работ Белоусова по этой теме: «Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли» (М., 2000); сборник «Русская провинция: миф — текст — реальность», составленный в соавторстве с Т. В. Цивьян (М.; СПб., 2000); статья «Символика захолустья (обозначение российского провинциального города)» в сборнике «Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты» (М., 2004).

Белоусов первым обратился к изучению творчества трагического писателя Леонида Добычина, которым занимался на протяжении многих лет. Ему принадлежат предисловие и комментарий в книге «Писатель Леонид Добычин: Воспоминания. Статьи. Письма» (СПб., 1996); научная редакция Полного собрания сочинений и писем Л. Добычина (СПб., 1999), статьи в добычинских сборниках, изданных в Даугавпилсе, и других изданиях.

Приведенными работами не исчерпываются научные интересы Белоусова. Традиции и культура семинаристов и институток в России начала XX века, прочтение произведений русских классиков — «попытка особой поэтической культурологии», «поэтическая культура сирени» и «кладбищенская» поэзия, статьи, посвященные городской балладе 1920—1930-х гг. как последней фазе развития жанра исторической песни, и др. Более 250 исследований и бесчисленное количество докладов на научных конференциях разного уровня.

И еще одна ипостась А. Ф. Белоусова — преподаватель. Эрудит, незаурядный лектор, глубокий, яркий, остроумный — именно так оценивали его студенты и в Таллинском пединституте, где он проработал 14 лет, и на кафедре истории русской литературы Санкт-Петербургского университета, и на кафедре детской литературы в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств, и на факультете антропологии и истории искусств Европейского университета в Петербурге. Прекрасный педагог, учительство которого очень ценили молодые исследователи, для кого он становился официальным и чаще неофициальным руководителем.

В 1990—1998 гг. А. Ф. Белоусов работал в Пушкинском Доме, в Отделе новой русской литературы.

Смерть Александра Федоровича Белоусова — невосполнимая утрата для науки. Для меня она — личное горе. Профессиональные дружеские отношения связывали его с моим покойным сыном. А потом эту дружбу унаследовала я, и она длилась более 30 лет. Последнее письмо от него я получила 30 декабря 2022 года, за шесть дней до его смерти. Именно Белоусов приветствовал мое погружение в детские утопии, когда летом 1992 года привез мне на дачу в Кутижму сборник «Школьный быт и фольклор» с первой публикацией на эту тему. А потом в контексте фольклорной практики, заинтересовав студентов, он прислал мне несколько тетрадей с рассказами об их детских играх в страну-мечту.

Белоусов любил Петрозаводск и несколько раз бывал в нем. Дважды — в связи с днями памяти друзей-ученых. Он с женой, замечательным филологом Еленой Владимировной Душечкиной, инициировал в Малом зале Филармонии вечер памяти, посвященный Петру Александровичу Рудневу, на который привез составленный им самим и А. К. Байбуриным сборник «*Studia metrica et poetica: Сборник статей памяти Петра Александровича Руднева*» (СПб., 1999). С анекдотами о Вовочке Белоусов выступал перед студентами Петрозаводского университета и на моем «домашнем» семинаре с разными слушателями.

Александра Федоровича нам будет очень не хватать. Светлая ему память!

С. М. Лойтер